

☉ Лондонская премия представляет писателя ☉

Тамара Булевич

Таежные родники

Тамара Анатольевна Булевич
Таежные родники
Серия «Лондонская премия
представляет писателя»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48722941

*Таежные родники:
ISBN 978-5-907306-37-0*

Аннотация

Не оскудевает талантливыми писателями земля сибирская. Одна из них Тамара Булевич. Я читал все её книги. Она живёт в Красноярске и пишет о своих земляках, взрослых и малых детях. Пишет проникновенно, талантливо, с любовью. Прозу Тамары Булевич отличает особая манера письма. Житель большого современного города, в своих произведениях она создаёт ощущение, будто живёт в тайге, рядом со своими героями. Думает и говорит так, как они. Даже, когда описывает место какого-либо действия, её манера изложения текста, почти ничем не отличается от спокойной и плавной речи людей, о ком пишет. Отсюда такое доверие к событиям и персонажам романов, повестей, рассказов полюбившегося российским читателям автора. Писатель хорошо знает, о чем пишет, знает своих героев, тайгу, лесных обитателей. Любит их, живёт их жизнями.

И ещё. Сегодня, когда страницы многих книг, в изобилии выпускаемые нашими издательствами, переполнены англицизмами и "заграничным слэнгом" – все до единой книги Тамары Булевич написаны прекрасным русским языком. Вот уж действительно, словно колодезной воды напился.

У вас в руках новая книга талантливого сибирского писателя «Тайга заповедная». И вновь Тамара Булевич пишет о своих сибиряках, их детях, флоре и фауне тайги. Она пишет о своём народе, о молодом поколении, пишет о нас...

Михаил Серебро, президент Международной Гильдии писателей, поэт, писатель, драматург, режиссер, заслуженный деятель культуры РФ.

Содержание

Однолюб	9
Дед Игнат	26
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Тамара Булевич

Таежные родники

© Тамара Булевич, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Тамара Анатольевна Булевич – известный сибирский писатель и поэт, член Союза писателей России, Академии российской литературы, Интернационального Союза писателей, официальный представитель Международной гильдии писателей по Красноярскому краю, многократный лауреат все-российских и международных литературных конкурсов с вручением золотых медалей им. К. Симонова за повести «Фрося-Ефросинья» (2007), «Тропой любви» (2012), медали «Золотой Пегас» (Хорватия, 2013), «Личность года – 2013» Международной гильдии писателей. Лауреат конкурса «Её величество книга!» с вручением именного знака, медали и диплома «Уникум» за повесть «Плач рябины» (Германия, 2013). Лауреат Международной гильдии писателей и Лейпцигской книжной ярмарки – 2015 (Лейпциг, Германия) с вручением золотого диплома и медали за роман «Горячие тени». Получила высший балл литературных агентов США за книгу «Самоцветы Сибири» на английском языке в питчинге международной писательской конференции в Нью-Йорке (2016).

12 декабря 2017 года в Москве в Центральном доме литераторов по инициативе Интернационального Союза писателей состоялась презентация книги «Тайга заповедная», где автор была номинирована на литературную премию им. Л. Н. Толстого.

Издано 18 книг прозы и поэтический сборник «Моя пла-

нета».

Живёт в г. Красноярске.

Однолюб

Дмитрий Амосов, рослый красавец с копной тёмных вечно косматых и непослушных волос, был коренным сибиряком, потомком первых казаков-переселенцев с Дона и Поволжья. Аборигены Енисейской губернии таких называли чалдонами. Общительный и услужливый, он со всеми находил нужный разговор, был лидером у деревенских мужиков. Те роились вокруг него и липли, как шмели на сахар. По вечерам в будни в амосовской кузне лавок не хватало. Мужики сидели на полу, подстелив под себя лоскуты старой кошмы, и расходились по домам за полночь, частенько гонимые незлобивой женой хозяина Людмилой.

На шумных гулянках Дмитрий, лихо распластав ромашковые меха старенькой гармошки и едва успев пройтись по аккордам, тут же был настоятельно востребован друзьями. Они торопили его и до самой ночи не давали ему никакого продыху: спой да спой. Есть в заимке певцы и поголостее, но застольный народ настойчиво требовал: «Давай, Амосов, давай!». И он затягивал одну за другой старинные казачьи песни. Негромко, с лёгкой хрипотцой, раскатистым, будто Тунгуска на порогах, голосом. И сразу селяне начинали несмело, нестройно подтягивать, подвывать ему. А то просто тихо улыбались, потаённо смахивая увесистыми кулаками быстрюю талую слезу души.

Дома Амосов не навязывал своего главенства. Безмерно любил раскосую красавицу Людмилу, однажды летним вечером выкраденную им из богатого чума. Отец девушки, уважаемый знатный оленевод Эмидак Монго, пообещал её в жёны известному в Приангарье охотнику Онкоолю Момолю. Степенный, знающий себе, своему слову цену Монго слушать не хотел о другом зяте. И вовсе не потому, что Момоль давал за невесту десять оленей, десять ящиков водки и пятьдесят баргузинских соболей да каждое лето на годовщину свадьбы обещал дарить тестю по шкуре медведя и рога сохатого в придачу. «Подумай, дочь, – уговаривал отец Людмилу, – завидный жених из древнего рода желает тебя в жёны. Момоль – такой же, как мы, эвенк. Сын тайги. Преданно служит ей. А как ты собираешься жить в посёлке без Энин-Буги, прародительницы нашей, оленихи мамы?!»

Но были запоздалыми доводы и уговоры отца. К тому времени Дмитрий и Людмила уже полюбили друг друга и торопились стать мужем и женой.

Познакомились влюблённые в Байките на слёте молодых буровиков нефтеразведки, где Дима в фойе клуба пел под гитару «Главное, ребята, сердцем не стареть». Тогда напротив него стояла черноволосая девушка с распахнутыми лукавыми глазищами темнее ночи и слишком откровенно разглядывала симпатичного парня. В какое-то мгновение молодого исполнителя так захлестнуло волной её флюидов, что у него горло перехватило. Казалось, сердце вот-вот вырвется

из груди и, пылая, полетит к чаровнице. Возгорелся певец. Вспотел и задохнулся, забыв про всё на свете: где он есть и что делает. Не допев песню, смущённо извиняясь перед зрителями, он торопливо отдал гитару в руки виновницы своего провала. Та восхищённо и счастливо приняла её, словно севшую на ладони жар-птицу.

Потом они долго бродили по звенящим солнцем улицам, рассказывали о себе самое сокровенное, потаённое и только вечером спустились к причалу, где к назначенному часу стояла моторка, присланная за Людмилой отцом Эмидаком.

Потеряв рассудок от нахлынувших, неподвластных чувств первой влюблённости, первого расставания, Дмитрий растерялся, не зная, что предпринять и как дальше жить без этого лесного чуда, такой прелестной и единственной на всём свете Людмилы. Долго не раздумывая, сел вместе с ней в лодку, которая полетела вниз по Тунгуске стремительной белокрылой птицей.

Вскоре они предстали перед строгим взглядом Эмидака Монго, уничтожающе сердито смотрящего на незваного луча¹. Тот, признаться, вовсе не ожидал такого приёма. Оробел, сник. Не в его характере было такое, а вот же...

До стойбища добрались быстро. Дмитрий первым выпрыгнул из лодки на берег, а потом на руках вынес своё сокровище.

Красивый, крепкий Монго что-то сказал пожилому ло-

¹ Луча – русский (с эвенк.).

дочнику, и тот легонько толкнул парня в сторону реки, но трепетно дрожащие, крепко переплетённые руки влюблённых никак не удавалось разъединить. Они то расслаблялись, то вновь сцеплялись намертво, давая себе возможность побыть рядом хоть на минуту дольше.

Пожилой эвенк с пониманием и сочувствием поглядывал на влюблённую пару. Щуря и без того узкие глаза, терпеливо накручивал на большой палец свой длинный белый ус. Но после очередных нетерпеливых и возмущённых возгласов Эмидака теперь уже напористо, раз за разом начал толкать в плечо незнакомца. Отшатнувшись от горячо дышащей избранницы, Дмитрий запрыгнул в лодку, успев на прощание шепнуть девушке, что его буровая вышка неподалёку от их стойбища и что он будет ждать любимую каждый вечер у Лунной косы. Старый эвенк не говорил по-русски и молча доставил его обратно в Байкит.

На первом же свидании Людмила сообщила о непреклонном решении отца породниться с Онкоулем Момолем. Свадьбу назначили на июль. В чуме о луче говорить запретил. Но упрямица дочь решительно отказывалась подчиняться воле родителя. Они впервые поссорились. «Не позорь моё имя и честь древнего рода! Я сдержу слово, данное Момолю, и ты станешь его женой! Будешь ещё благодарить за достойного мужа!»

На этом Эмидак тогда сам прервал разговор, считая решённой судьбу дочери.

Спасая любовь, Дмитрий с Людмилой ломали головы, как устроить побег, понимая, что он возможен только в отсутствие Эмидака. Тот вроде собирался уйти на дальнее стойбище для пополнения перед свадьбой стада диких оленей. Юноша сразу уцепился за обнадёживающее обстоятельство, повеселел:

– Надо не упустить посланную нам свыше удачу! Возьмём с друзьями отгулы и под видом рыбацкой артели подежури́м у реки в ожидании счастливого часа.

Но ничего из их затеи не вышло бы, если б выбор дочери не поддержала мать Людмилы Элана. Будто угождая мужу и жениху, готовилась показать богатое невестино приданое, набивала куль за кулём роскошной постелью, посудой, шкурами да черноспинными соболями. Шила дорогие одежды томноокой любимице, благословляя единственную кровинку в новую жизнь, жизнь с любимым. Счастье для самой Эланы с привезённым знатными родителями мужем Эмидаком так и осталось несбыточным сном...

Опытный и умный Эмидак, тревожась за дочь, учуял неладное и под всякими предложениями оттягивал время своего ухода в тайгу, неотлучно оставаясь в чуме.

А дни таяли и таяли, словно лёгкие облака в бездонном небе. Теперь уже считанные часы отделяли Людмилу от ненавистного жениха Онкоуля. Но Монго так и не решился оставить непослушницу без присмотра. Дотянул до последнего дня, до сумерек, и только тогда уплыл встречать приле-

тающего в Байкит ранним утром дорогого зятя Онкоуля.

«Вот она моя жар-птица, судьба! Сейчас уж я поймаю её!» Под покровом ночи счастливый Дмитрий вынес из родного чума вмиг повзрослевшую, зарёванную, но безумно счастливую Людмилу и унёс к могучей, бурной Тунгуске, реке их новой жизни. Она уплывала с любимым дальше и дальше от родного берега. Покачивающийся в зеркально-серебристых волнах девичий силуэт вскоре исчез. Надолго. Навсегда...

Когда жена сообщила Дмитрию о второй беременности, он, кружа Людмилу в объятиях, пел и плясал. Их радости, казалось, не будет конца.

– Завтра же пошлю аргиш² к Эмидаку. Пусть твои отец с матерью перекочёвывают к нам нянчить внуков. Хватит деду дуться. Скоро третьего наследника подарим, а ему всё неймётся. Не молодые, чтоб одним в тайге жить. Как думаешь, прав я?

Как ей ещё было думать-то!

И только утром муж спросил:

– А можно ли тебе, солнышко, рожать? Врачи и первые роды нам не разрешали!

Она уверенно и игриво ответила:

– При моей-то силушке грех, Митя, не рожать. Не беда. Медики страшат, мол, мой отрицательный резус-фактор при положительном у мужа – большой риск. Но ведь родила близняшек-то! И ничего, слава богу, здоровенькие.

² Аргиш – перекочёвка (с эвенк.).

– И то правда.

Быстроногие первенцы, словно кедрята на южном взгорке, подрастали час от часу. Без пяти минут двухлетки. Мужики!

– А тебе, знаю, не терпится вновь насладиться материнством. Рожай, радость моя, рожай. И десятерых прокормлю.

Крепко любил он своих черноглазых баркачан³. Те напоминали ему птенцов болотного черныша – задиристых, крикливых. Не проходило двух недель, как таёжные чернышата начинали летать. И эти «амосики», на одно лицо, заговорили и встали на ножки – года не было. Только мать скажет, кто из них кто. Толю от Коли отец отличить не мог. Но папа – хитрый. Быстро сообразил и Толе стал прикалывать сзади к рукаву маленькую булавочку.

Люда удивлялась:

– День-деньской с ними, но совсем недавно стала их уверенно различать по вечно торчащим волосикам на макушке у Коли, а ты как-то быстро...

– Я – папа, мне кровь подсказывает, – улыбался муж, довольный своей смекалкой.

Но при первой же стирке его «хитрушка» обнаружилась.

– Дим! Твоя «зарубка» мне чуть палец насквозь не проколола! Сознаешься по-хорошему, бить не стану, – шутливо и примирительно потрепала его смоляные вихри жена.

Редкие часы общения с малышами для Дмитрия – самые

³ Баркачан – медвежонок (с эвенк.).

счастливые. Он полностью отдавался на откуп детских фантазий. Сынишки-шалунишки зарывали его в прибрежный песок, ставили на четвереньки и до своего полного изнеможения катались на отцовской спине. Раскрашивали терпеливого папу под собачку, зайчика и Винни-Пуха. Уставших, но не утомившихся малышей Дмитрий усаживал на колени, веселочиталим полюбившиеся «Уйгурские сказки». Потом серьёзно расспрашивал, что они запомнили. Мальчишки наперебой улюлюкали. Гомону – на весь дом. Но Дмитрий с вниманием слушал, подбадривал, поддакивал, будто что-то понимал в их бесконечном лепете, нежно глядя чёрные пушистые головки.

В те годы семья жила в глухой заимке Куюмбе. Амосов работал в версте от дома, за Рыбачьим мысом, мастером на буровой. Та пикой упиралась в небосклон, по ночам пытаясь нанизать на себя игривые, подмигивающие, но всегда ускользающие от неё звёзды.

В пургу, пятидесятиградусные морозы, когда и тайга-то от стужи кукожилась, смиренно укрывалась плотным белоснежным покрывалом, Дмитрий до полуночи стоически что-то мастерил в кузнице. Кому-то ладил отвалившиеся от саней полозья, кому-то «штопал» кухонную утварь, а Толе с Колей – вечно ломающиеся игрушки.

Кормилица буровая давала щедрое пропитание куюмбовским семьям. Здесь зарабатывало на хлеб с маслом всё местное мужское и женское население. Он же работать жене

не разрешал – хватало ей дел по дому. Нуждались в уходе и неустанном внимании шустро растущие мальчишки. Теперь и до родов Людмиле оставалось лишь два месяца. Надо бы слетать ей в Байкит к врачу, но погода стояла нелётная. Жгучий морозище с северным иглистым ветерком. В таком адском холоде даже металл сам по себе крошился, как сталинит при ударе. Вертолётчики отсиживались дома, по нескольку раз за день выбегали на крыльцо, вглядывались в мглистое небо и вымаливали у него милости.

...Воздушное пространство над тайгой и заимкой в тот день заполнила радужно искрящая алмазная изморозь. Низкое солнце, пробивающееся к земле блёклым рваным блином, лениво и безучастно сливалось с белой стылой безбрежностью. И лишь дымящиеся печные трубы да лабиринты протоптанных в два-три человеческих следа снежных коридоров обозначали в бесконечном царстве звенящего холода дома северян, живущих, однако, своей привычной жизнью.

Дмитрий был на буровой, когда у Людмилы внезапно начались схватки. Соседей не дозовёшься, и она, наскоро одев притихших ребят, вышла на улицу. Кружилась голова, отнималась спина, резала ножом боль внизу живота. «Неужели роды?» Потом мало что понимала, но крепко держала в своих руках ручонки маленьких сынков. Её с детьми догнала чья-то санная повозка, отвезла в медпункт.

Повар с буровой передал фельдшернице Марии Ивановне с рук на руки теряющую сознание Людмилу и её замёрзших,

скулящих у ног безмолвной матери двухлеток, а сам помчался к Амосову.

В переднем углу конторы нефтяников на сколоченной из тёсаных досок тумбе стояла единственная на заимке старенькая рация, которая неплохо работала при умеренно низких температурах. Но тут радист, как ни старался, настроить её не смог. Это означало, что на санавиацию из Байкита рассчитывать не приходится.

Не раз в таких случаях опытная фельдшерица успешно справлялась сама. Но сегодня всё складывалось против роженицы: отрицательный резус-фактор, кровотечение и... кома.

Мальчик родился чудом, измученный, обессиленный сопротивлением сильным рукам чужой тёти, вытянувшим его из тьмы.

Мама Люда уже была не с ним...

Малыш то на мгновение проваливался в тревожный сон, вздрагивал, жалобно всхлипывал, затихал, то снова пощеньячи взвизгивал, плакал. Словно опротестовывал своё насильственное появление на белый свет без мамы...

МарияИвановна, вырастившая троих детей, по-матерински крепко привязалась к незаслуженно обездоленному судьбой Андрюшке, ласково называя его «чернышом-амосёнком», «крестничком». Держала более месяца в стационаре, не доверяя никому заботу о нём. В свободное от приёма время склонялась над кюветкой беспокойного пациента.

Постоянно разговаривала с ним, готовила молочные смеси, купала в травяных настоях. Городским лётчикам заказывала разные детские премудрости, которые помогали крохе набираться сил и расти.

Вскоре Андрюша по-амосовски твёрдо решил смириться с навязанной ему жизнью, остаться в этом неудобном мире, чтобы поближе самому рассмотреть и познать его. Теперь уже почти не плакал, а всё искал угольными раскосыми глазёнками добрую тётю в белом халате, ждал нежного прикосновения тёплых рук, которым был обязан своим рождением. Навёрстывал упущенные блага сном. Просыпаясь голодным волчонком, аппетитно опустошал приготовленные тётей молочные бутылки.

Малыш крепчал.

Отец часто бывал рядом с Андрюшей, оставляя старших на попечение рано овдовевшей бездетной сестры Сони, решившейся на время оставить солнечный Сочи, чтобы помочь брату растить сыновей.

Амосов уволился с буровой, чтобы стать детям и мамой, и папой. Каждый год с весны и до первого снега семейство проживало на дальнем зимовье. Сытно кормили их неисчерпаемая тайга и большая рыбная Тунгуска. Потомственный охотник, кузнец обеспечивал семью всем необходимым. Подрастающие парнишки охотно помогали ему. Отец приучал сыновей к тайге. Теперь она им мать. Сам же любил берендево царство всей душой, преданно и заботливо. Не каждый

мужчина способен так любить женщину. Оберегал свои угоды от браконьеров, заботился о зверином и крылатом живье. С раннего детства приучил мальчишек добрыми делами почитать зелёную кормилицу, строго требовал соблюдать свои лесные заповеди: «Понапрасну – не губи!», «Беззащитным – не вреди!», «На дармовое – не жадничай!» Не словами – на деле показывал, как следует жить в таёжном мире.

Сыновья в своей уже взрослой жизни, жизни без отца, помнили эти наказания. Хранили в памяти и случай, как отец однажды привёз в дом маленького лосёнка, названного им Валькой. До мельчайших подробностей он запечатлелся тогда ещё подростку Андрею.

...Малыш Валька едва стоял на нестойких, дрожащих, непослушных ногах. Скорее всего, был у лосихи вторым телёнком, по воле какой-то нелепой случайности отбившимся от матери. Отец, «ставя на учёт» глухариные кладки, сильно испачкался и решил спуститься к распадку, чтобы привести себя в порядок. Подойдя ближе, прислушался. Впереди что-то трещало, ёрзало и билось о воду. Рискуя безнадежно увязнуть в вековых завалах, увидел маленького лосёнка и высвободил его из смертельно опасного плена. Смелчаку, тут же названному им Валькой, не дал и недели от роду. Оголодавший и слабый, тот отчаянно пытался самостоятельно выкарабкаться на сушу. Но скользкий, трухлявый сушняк обламывался под острыми и быстрыми копытцами, крошился и снова тянул упрянца в студёную талую воду. Этот

треск, услышанный Амосовым, и спас бедолагу. Не произойди встреча с отцом – ему б не жить!

В доме Валька быстро освоился, отогрелся в тёплом предбаннике на старом отцовском полушубке. Напился молока с манкой, отоспался. Назавтра уже шустро бегал по подворью, брыкался, высоко подпрыгивал и тузил забор. Полюбил тётю Соню, почему-то считая именно её своей матерью. Стоило той спуститься с крыльца, как чуткий Валька оставлял забавы, мчался к «мамке» стрелой, облизывал, тычась симпатичной мордочкой в её живот. А когда она выносила лосёнку пойло – молоко с кусочками размоченного хлеба, чуть не сшибал кормилицу с ног, на лету хватая и засасывая в рот края цветастого фартука. Бесконечные Валькины наскоки от подарка брата ко дню 8 Марта вскоре оставили лишь жалкие, жёваные лохмотья.

Прислонив ведро к забору, тётя Соня ногами и руками пыталась удерживать алюминиевое ведёрко в стоячем положении. Но Валька всякий раз, прежде чем приступить к очередной кормёжке, старался поддать долгожданному ведру копытом и только после этого спешно окунал в аппетитное питьё ушастую мордочку. Изредка его голова высывалась наружу, чтобы хлебнуть воздуха. Лосёнок громко сопел, фыркал, мотал белой мокрой мордой.

В такой час откладывались дела, и семья с восторгом наблюдала за любимцем. К концу трапезы Валька от копыт до холки был в молоке и крошках. Пойла хватало на всех нас.

Лобастый шустрик не по разу благодарно обегал семейный круг, оставляя на каждом печать телячьей нежности и признательности, а заодно изрядно испачкав одежду своих почитателей. За сутки малыш набирал около двух килограммов привеса.

– Осенью, – вспоминал Андрей, – отец навсегда разлучил нас с лосёнком. «Это зверь. Таёжный зверь! Не игрушка вам. Его место там, на лесных тропах». И увёз Вальку на дальнее зимовье за Медвежью гору. Быстроногого, упитанного, с явно обозначившимися набухающими на лбу бугорками. Как-то, два года спустя, повстречались они на узкой каменистой лосиной тропе. Отец узнал его издали. Но Валька остановился первым. Задрав голову, долго смотрел на идущего навстречу человека. Чувственными влажными и волосатыми ноздрями втягивал глубоко в себя летящий от него ветерок. В раздумье переминался с ноги на ногу, хрипло мычал, прижимаясь упитанным крупом к поросшему лишайником скальному выступу. И замер, словно что-то сопоставлял и припоминал. Отец остановился в десяти шагах от могучего красавца. Протянув к нему руки, тихо позвал: «Валька! Валька...» И тут же, вздыбив копытами известняковую пыль, молодой лось ринулся к своему спасителю. Приблизившись, несколько раз обегал его, потом остановился, приосанился. Мотал головой, словно хвастался сильными ветвистыми рогами. Добродушно хоркал, сопел, хукал, как в лосячем детстве, осторожно прижимаясь к родному существу

торсом. Потом подошёл вплотную. Стал лизать лопастым розовым языком старенькую фуфайку, лицо и руки отца. В холке Валька вымахал под два метра и весил около полтонны. Расчувствованный благодарной памятью отец дрожащими ладонями гладил доверчивую Валькину морду, тычущуюся в него. Зверь млел от удовольствия, когда добрый человек ласково трепал за длинные уши, теребил свисающую на грудь клином густую, шелковистую бороду, одобрительно хлопал ладошками по высоким, стройным ногам. Так вот они долго и близко общались, оба довольные и счастливые от неожиданной встречи, хорошо понимая друг друга и разговаривая на языке идущих от сердца звуков и телодвижений. Расходились в разные стороны медленно, неохотно, будто зная наперёд, что никогда уже их тропы не пересекутся...

Дмитрий Амосов погиб в тайге не от клыков и копыт диких зверей, с которыми прожил свой век бок о бок. Его убила шальная браконьерская пуля, бездумная рука злого, ненасытного человека. Нет, не человека. Нелюдя.

В ту горестную весну, навечно разлучившую сыновей с отцом, старшие близнецы Анатолий и Николай бороздили моря и океаны капитанами дальнего плавания, «младшенький» Андрей работал в Эвенкийской нефтеразведке бурильщиком.

Сыновья помнят и любят отца по-прежнему нежно. Как в далёкие годы своего взросления.

2009 г. Писатель Тамара Булевич в мастерской /г. Красноярск/ народного художника РСФСР, Почетного члена Российской Академии художеств, писателя и поэта Тойво Васильевича Ряннеля.

2009 г. Группа красноярцев у пещеры на о. Ольхон /о. Байкал/ с гостями Зигмундом Йеном, Героем Советского Союза, летчиком – космонавтом Германии / в центре справа от Тамары Булевич/ и Зигмунтом Хоренем из Польши / крайний справа в стоящей группе/ – известным в мире проектировщиком парусных судов.

Дед Игнат

Напряжённый жаркий день иссушил, измучил. Путевые рабочие едва держались на ногах, угрюмо, в полном молчании собирая в брезентовые мешки инструменты и поджидая электричку, которая избавит наконец-то от адского труда в глинистой пыли, от липучей мошки, писклявого комарья, нещадно грызущего, неистребимого, не дающего рта открыть.

Игнат Дёмин запозднил. Сегодня бригада завершала намеченный по станции Снежница текущий ремонт и отсыпку полотна. Завтра сам начальник дорожной службы пути Ефремов будет на приёмке. Но Игнат был спокоен: всё сделано на совесть. Мужики не подвели, как бывало в первые годы их совместной работы.

От похвал бригадир воздержался. «Завтрашний день покажет, что наработали».

Похоже, приближалась гроза. Во второй декаде августа погода обязательно портилась, и к бабке не ходи. Ненастье дня на три выбивало из графика. Только тайга радовалась дождю, упиваясь изобильной, ещё по-летнему тёплой, живительной водичкой, пополняя подземные водоёмы и набираясь жизненных сил, чтобы весной вытолкнуть к свету новую зелёную поросль.

Игнат гнилой поры не выносил. Она совпадала с подготов-

кой закреплённого за бригадой участка к зиме, безжалостно актируя золотое время проливными, непрекращающимися сутками дождями.

«Потом попробуй наверстай! Руки и спины у людей не железные», – сокрушался он, заранее зная, что последующие дни будут авральными, нервозными и до глубоких сумерек.

Прошло семь вёсен, как Игнат купил дом в Снежнице. Купил для собственного удобства: работа рядом, не нужно тратить бесценные часы на электрички. Но главной причиной всё же послужили те обстоятельства, что здесь о прошлой жизни Игната никто не знал и легче было начинать жить с чистого листа. Хотя и в родном Минине его узнала только товарка тёщи.

Придя домой, Дёмин первым делом занёс в сени горшки с геранью, которую и так немало потрепал усиливающийся ветер. Обычно герань, лаская взгляд хозяина, рядами стояла на специально сбитом для неё из тёсаных листовых досок подмостке. Она подковой окаймляла ухоженный рубленый дом, тревожа и радуя бело-розовым буйством шаровидных соцветий. Тихими заревыми вечерами он подолгу любовался ими, находя душе отраду и успокоение.

Второй дом обустроил в полном соответствии с родовым, Дёминским. При живых родителях на широких белых подоконниках от весны до зимы цвела, полыхала герань. Мама Люба пользовала её округлые, короновидные, иногда окайм-

лённые бурым кольцом листья при зубной боли. Всегда кла-
ла их приправой к дичи и телятине.

Игнат спустился вниз огорода, где пушистыми зелёными веточками, как крылышками, взмахивали недавно высажен-
ные им, но уже бойко ухватившиеся за дерновую, искон-
ную землю кедрята. На этот «детсад» наткнулся случайно у
платформы Рябиново во время обеденного перерыва, под-
нявшись на таёжный взгорок. Среди вековых в три обхва-
та сосен и пихт давно прижилось и кедровое семейство. В
густом смолянистом дурмане над головой Игната распласта-
лись опахалом лапы кедров, ещё не старых, щедро увешан-
ных зреющими зеленовато-бурыми шишками.

«Надо в сентябре прийти сюда. Пошишковать», – поду-
мал тогда Игнат и уже направился к пологому откосу, чтобы
спуститься вниз к бригаде, когда на открытом всем ветрам
месте обнаружил с десяток годовалых кедрят. «Вот куда вас
занесло! Тут с северной стороны вам не выжить».

Спустившись к мужикам, попросил помочь ему выкопать
и доставить кедровый «выводок» – малолетнее чудо в его
огород. Всех до единого.

Городские мужики удивлялись его нескрываемой радости
спасителя:

– Живёшь в тайге и тайгу на огороде разводишь. Зачем
тебе это?

Игнат добродушно улыбался, отшучивался:

– Ленив стал. Далеко в кедровники ходить. Старею. Гля-

дишь, доживу до их зрелости. Орешек соберу и вас угощу. Кедры в людской заботе и ласке быстрее обычного растут.

Мужики недоуменно пожимали плечами.

К ночи непогодь чёрной мглой нависла над горами, тайгой и посёлком. Небо напоминало крутящийся калейдоскоп с мрачными, не предвещающими ничего хорошего картинками. Вдруг оно вскипело и порвалось на мелкие сизые лоскутки, которые неистово метались от горизонта к зениту и обратно, уплотняясь в многослойный на полнеба пирог. И в то же мгновение отягощённый, почерневший изнутри пирог взорвался, клокоча и распадаясь на светящиеся огненными разрядами тяжёлые тучи. Они падали вниз одна за другой, образуя над землёй свинцовое мечущееся в разные стороны воздушное месиво. Казалось, вот-вот небо проткнётся очередным копьём молнии, разверзнется спасительными водами и сразу же снимется напряжение, яростное противостояние непримиримых небесных стихий.

Более месяца над Снежницей властвовал зной. И теперь небо, припомнив давно забытые матушке-земле обещания, решило помочь ей – залить изнуряющее и жгучее лето, заслонить собою от пышущего жаром солнца.

Игната беспокоило завалившееся весной дерево – сушняк, прозванное им ведуном. Оно повисло на сосне у забора, крепко зацепившись верхними сучьями, как крюками, за её мощные ветки. В безветренные дни дерево сохраняло полное безмолвие, но чуть всколыхнётся порывом лёг-

кого ветерка сосна, и ведун начинал выводить свою грустную песню, напоминающую то скрип несмазанной двери, то рык зверя, то вскрик лопнувшей струны. Иногда предупредительно и чётко выговаривало: «Не подходи!». Но чаще всего громко насвистывало соловьиные разбойничьи напевы. А то вдруг тревожно вскрикивало незнакомым голосом испуганной птицы.

Игнат научился «расшифровывать» загадочную музыку ведуна, который точнее метеослужбы предсказывал направление ветра, погоду на предстоящий день. При работе на путях это очень помогало: он знал, откуда дует ветер, с какой стороны выставить сигнальщика, куда лучше высыпать щебёнку, чтобы меньше мужикам глотать известняка.

Сейчас же Игнат вслушивался в громкий плач и воющие, протяжные всхлипывания ведуна, что-то прикидывал, вычислял в уме, явно боясь за кедрят: свалится мёртвое дерево на них, заломает, подомнёт. Но одному ему было сложно что-либо предпринять.

«Всё недосуг, безголовому, сушняк распилить на чурки под опята! Загублю кедрят!» И, едва не падая под тяжестью, волоком притянул из сарая поочерёдно три списанных двухметровых рельса. Прислонил их к забору. «Так-то надёжнее. Примут удар на себя, если случаем ведун завалится».

Ещё раз осмотрев огородное хозяйство и убедившись в его полной готовности выстоять надвигающуюся бурю, он медленно, прихрамывая, направился в дом.

Не включая света, не ужиная, прошёл в душевую. Там долго фыркал, постанывал от удовольствия и плескался в ниспадающем потоке прохладных бодрящих струй. После часового купания, завернувшись в цветастую льняную простыню, лёг в кровать.

Несмотря на усталость, Игнат долго не мог заснуть. Со своей привычкой, едва коснувшись подушки, до первых рассветных всполохов утопать в объятиях Морфея, он расстался, когда перевалило за пятьдесят. Бывало, бессонными ночами успевал прожить не одну жизнь, всякий раз перекраивая их по-новому и снова не удовлетворяясь ими. Ничего не менял только в солнечном детстве. Там всё устраивало. Это было счастливое, безоблачное мгновение его жизни с родителями, ночёвками со старшими ребятами у таёжных костров на берегу горной речушки Минки, пробуждением под ласковыми щекотаниями зари, тихим и безмолвным подъёмом, чтобы, не дай Бог, не испугнуть, не насторожить хитроумных чернобоких хариусов.

Мальчишкой любил подолгу глядеть на далёкие мерцающие звёзды, следить за облаками и в грозу, надёжно спрятавшись от дождя под непромокаемыми лапами пихты, наблюдать за столкновением туч и рождением молний. В селе знали, что их Игнат, когда вырастет, обязательно станет лётчиком.

Но грянула война. Мечты в одночасье рухнули.

Большая семья Григория Дёмина жила в старом простор-

ном пятистенке, доставшемся по наследству от деда Семёна. С южной стороны его, в сторону речки и леса, тремя террасами спускался обширный огород.

Лучи восходящего солнца ласкали высокое крыльцо с резными и точёными перилами да мощёную камнем дорожку, упирающуюся в литую из чугуна калитку. Она разделяла подворье на две половины.

На его чистой стороне, как звал дед, в пяти метрах от ворот, размещалась отцова кузня. До войны он выполнял мелкие заказы для нужд станции и селян. Старая, замшелая пихтушка, распластавшая нижние ветки по земле, отделяла кузню от бани. А сразу за той до самого забора вдоль метров на сто тянулась некопаная исконная земля, на которой просторно кудрявились три щедро плодящих кедра, помнивших тепло рук и прапрадеда Порфирия. За ними бойко нарастали разновозрастные шустрые кедрята. А вперемешку с ними росли сибирские необыкновенной красоты берёзы, своими тонкими белоснежными стволами и кружевной кроной уносящиеся далеко в поднебесье.

На другой половине усадьбы в сараях содержались домашний скот и птица. Расписным теремком возвышался амбар для муки и зерна. А за ним в ряд – сеновал с конюшней для двух лошадей. Здесь же под высоким навесом стояли рабочие сани и для деловых выездов бричка, украшенная литьём и витой кожей.

Этот отчий уголок Игнат Дёмин свято пронесёт в памяти

сердца по всей жизни, мысленно прикасаясь к нему, своему истоку, набираясь ума и сил.

Война забрала у Игната старших братьев – Алексея и Антона, сестру Марию, которых он почти не помнил и узнавал только по фотографиям на стенах. Они белозубо улыбались, присматривали за ним, когда он, ещё дошкольник, оставался дома один.

Отец вернулся с войны больной, с открытой, незаживающей раной на груди. В бане маленький Игнат видел, как у отца из раны струйкой по животу стекала кровь. Мама Люба, хорошо знавшая таёжные лечебные травы, ничем помочь не смогла, а в городскую больницу на лечение и перевязки он съездил всего три раза. «Что без толку-то мотаться туды-сюды! Откуда деньги брать?»

Григория не стало в канун лета, когда Игнат перешёл в шестой класс. Люба тяжело пережила его смерть, обессилела и, словно вырванный с корнем цветок, сникла.

Так чёрным крылом смерти война достала и её, казалось бы, в далёком сибирском тылу. Потеряв троих детей, мужа, она уже не находила в себе силы жить. Тоска и горе душили её.

– Виновата перед тобой, Игнатушка, сынок мой любимый, ох, виновата! Зачем было рожать, чтобы потом обречь кровинку свою на горькую сиротскую долю? А что не жилица я, так не жилица. Сердцем чую, долго не протяну.

Игнат в это время растирал аптечной настойкой её посто-

янно остывающие ноги. Ему очень хотелось, чтобы мать осилила болезнь, поскорее поздоровела. Он жалел её и не допуская мысли, что она может оставить его.

– Мама, ты обязательно поправишься! Поправишься! Попьёшь, поешь...

Не раз искренне, с мальчишеской горячностью и верой произносил Игнат эти слова, считая их самым лучшим лекарством.

Но иногда и сам, видя её состояние, начинал плакать навзрыд, скуля и завывая. Совсем как щенок. По вечерам пытался что-то сочинять для неё, на его взгляд, очень смешное. Фантазировал, мечтал, как выучится на лётчика и обязательно прокатит мамулю с ветерком по синему небосклону, чтобы у неё от радости и страха аж дух захватывало!

Бывало, по ночам мать плакала и не могла заснуть. Тогда Игнат придумывал одну за другой смешные мальчишеские небылицы. Он сделал бы для мамы всё невозможное, только бы утихли её боли и она заулыбалась, как прежде.

– Разве мы одни осиротели?! Нам в школе сказали, что тридцать мининских мужиков остались в живых, а уходили на войну сто двадцать два. Если из-за фашистов в могилы все хорошие люди лягут, не слишком ли жирно будет фрицам?! Так одни нелюди и останутся на земле. Зачем тогда было с ними воевать братьям и папке? Они же победили! И ты победи!

Как мог взывал сын к матери, возвращал её к жизни. Но не

смирившееся с утратами и вдовьей участью Любино сердце продолжало страдать и рваться. Она чахла, медленно умирая и давая Игнату один наказ за другим.

Вскоре Игнат остался круглым сиротой, один-одинёшенек, без пригляда и опоры. От детдома наотрез отказался. И в этом его поддержали сельсовет, школа, соседи. Парнишка охотно учился, при больной матери сам хозяйничал по дому, не баловал.

В четырнадцать лет Игнат обогнал ростом всех стационарных сверстников и выглядел вполне взрослым. Селяне говорили: «В отца-богатыря уродился и ростом, и внешностью».

Окончив семь классов, он вместо Омского лётного военного училища поступил в железнодорожный техникум. «А на кого дом-то отцов бросишь?!»

Сын исполнил материнский наказ. Этот-то исполнил, но если бы все так...

К полуночи над Снежницей поднялся сильный ветер. В неистовом буйстве столкнулись вечные соперники – ветер и вода. Их нешуточная схватка за властное обладание красавицей землёй с переменным перевесом сил затянулась до утра. Мощные, ревущие и стонущие порывы «саянца», казалось, отрывали и поднимали вверх тяжёлый Игнатов дом. Он отчаянно скрипел углами, дверными навесами, стучал, бил в набат скобами и штырями просмоленных ставен. Неистово грохотала задвижками печная труба, протяжно завывал камин.

Но уже спустя мгновение ветер внезапно затихал и было слышно, как свирепо и неистово обрушивались на землю ливневые воды, грозя смыть с неё всё живое и неживое и утопить в грязевом потоке.

Игнат беспрестанно взбивал подушку, будто она была виновницей его бессонницы. Даже думать ни о чём не мог. Ворочался с боку на бок, томился, вслушивался в грохочущую над его головой грозовую бурю, ожидая чего-то ещё более страшного и непоправимого. И только предрассветное светлеющее небо утихомирило её.

Игнат открыл ставни, распахнул окна. Дом наполнился свежестью и ароматами отмытого до иголки бора, подпиряющего поднебесье мощными верхушками хвояков.

Предзоровая дымчато-лиловая тишина повисла над тайгой.

Наспех набросив на плечи казённый брезентовый плащ, Игнат прытко помчался в огород. На нижних лапах пихты, красующейся посреди картошки, нахохлившись, сушил пёрышки летний выводок из четырёх мородунок, по-местному – куведренников. Обычно вёрткие, живые, доверчивые и любопытные, сегодня при приближении Игната они после тяжёлой ночи и голоса не подали. Их мокрые буровато-серые с тёмными пестринами одёжки слиплись в комок. Белые брюшки почернели. Видимо, держались, бедолаги, коготками за землю у самого ствола, чтобы не быть унесёнными бешеной ночной бурей. Родителей с ними рядом не было. Но

вскоре послышалось их далёкое «куведрюю».

«Не пройдёт и месяца, как кулики помашут мне крылышками до следующей весны», – подумал Игнат и заспешил к кедрятам.

Те издали весело подмигивали ему брильянтовыми капельками затаившегося на их длинных хвоинках дождя. «Слава Богу! Живы мои пострелята!»

Бессонное настроение мигом улетучилось, а тело наполнилось прежней упругостью, здоровым желанием незамедлительно насытиться нехитрой деревенской едой.

И последующие события дня сложились для Дёмина удачно. Можно сказать, заладились. Начальство похвалило бригаду за «добротный, профессиональный ремонт», пообещало выдать премию и предоставить отгулы. За лето их у «дёминцев» накопилось более двух недель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.